

ПРОЛОГ

*Этой книгой я заканчиваю свою личную
трёхмерную исповедь перед людьми...*

Как-то прошлым летом в очень разношёрстной компании, где присутствовали священник (епископ), военный штурм (полковник, бывший «музыкант»), подросток (мальчик 12 лет) и мы с Антоном, зашёл разговор о жизни — сейчас, сию минуту. И у каждого, у каждого в этой случайно собравшейся компании была своя правда. Каждый из нас понимал, что такое война, что такое мир, что такое сегодня, что такое завтра, что такое вчера. Мы не могли разойтись по своим делам. Мы сидели в подвале где-то в Белогорье и ждали окончания атаки дронов. Поэтому мы говорили. Говорили друг с другом как в последний раз.

Начал мальчик:

— Когда отец уходил на фронт добровольцем, я его спросил: «Папа! А зачем?» Он мне и говорит: «А это затем, чтобы тебе никогда не пришлось автомат держать...» Мы поговорили. Мне тогда 10 лет было. Я типа понял. А потом его убили. А я вот здесь сижу. Получается, зря батя погиб... — парнишка даже не спрашивал, просто бормотал в пустоту между сидящими взрослыми.

Священник внимательно посмотрел на него:

— Знаете, мир так устроен, что человек не может умом, логическим рассуждением понимать реальную ценность и последствия того или иного поступка. Мир многомерен, а мы трёхмерны. И многое скрыто от наших глаз. Только сердце наше не имеет измерений и то, что мы верой зовём, и есть излучения человеческого сердца. Поэтому слушай, что тебе сердце говорит про отца, — так оно и есть.

Полковник грустно усмехнулся:

— Знаете, Владыка. Слова ваши хороши, когда вокруг тишь да гладь и овечки с пастушками суетятся. Как у этих вот, в Москве. Ведь там вам такое заходит, Антон Андреевич? Не соврал?

Антон пошевелил носком берца обломок кирпича на полу:

— Кому как заходит. Кому как. Москва разная. И война разная.

— Вот это ты правильно сказал, дорогой мой человек. Правильно, — вдруг повысил голос военный. — Война. Она разная. Зацепило меня как-то — прямо во время выполнения солдатского долга, как говорится. И девушка, медсестра, тащит меня на себе из огня. В ней килограммов сорок, наверное. А я же вон кабан какой! На центнер потяну. Кровь из меня хлещет, мне муторно из-за тряски и стыдно перед ней. Сознание начинает работать с перебоями. Как старый телик у моего бати. То вижу всё ясно, то мне ваш Бог рябь показывает вместо неба. (Военный кивнул в сторону епископа, но разговаривал в основном с Антоном.) Ну я ей и говорю: «Положи меня на землю, детка. Одну вещь тебе скажу...» Она сопит, типа не слышит. Я опять ей: «Положи!» А она звуки какие-то булькающие издаёт подо мной. Ну, думаю, реветь начала. А она лицо поднимает. Смотрю, хохочет,

засранка. Я аж опешил. Вокруг всё трещит, гремит, мы оба в говнище каком-то по уши, в кровище моей, а она хохочет. Ну, думаю, кукуха уехала у девочки. Бывает. А она отсмеялась и поясняет: «В первый раз миллионера на себе несу. Поделишься, когда зарплату выдадут, а?» Я влюбился. Не видя толком её лица, не зная имени. Влюбился и в сознании до полевой больнички доехал. Вот такие получились война и мир сразу. А ты говоришь, «трёхмерные»! — повернулся к священнику вдруг военный.

В воздухе повисла пауза, которая бывает, когда все разные, и говорить особо неохота и не о чем. И тут Антон слез с коробки, на которой сидел.

— Э-э-э! Я вот чего хотел показать-то, мужики. Мы же новую модель беспилотника привезли. Пробовать в деле. Он работает без спутниковой связи. Сам видит местность. Сам всё понимает и принимает решение... И тут все четверо, как один, склонились над машинкой и инструкцией. И следующие полтора часа их уже оторвать от нового дрона и вытащить из этого подвала нельзя было. Вы спросите: а вы-то, вы, Ольга, сами, что сказали или сделали тогда в этой компании? А я тогда села в угол. На ящик от беспилотника. И написала:

Книга.

«Аминь».

Часть первая.

«Лето»...

ЧАСТЬ I

ЛЕТО

Пластинкой тоненькой жиллета
Легко щетину спячки снять:
Полуукраинское лето
Давай с тобою вспоминать...

О. Мандельштам (1936)

Глава 1

НЕ ПАЛЕЦ РУБИТЬ НАДО!

...Лошадь, только что тянувшаяся губами к траве, подняла морду, поглядела на него колдовским пурпурным глазом и отчётливо произнесла:

— Рубить не палец надо, барин.

Т. от неожиданности выронил топор.

— Что? — спросил он. — Что ты... Что вы сказали?

— А то, барин. Пальцы тут ни при чём, — повторила лошадь тихо, будто боясь, что услышит кто-то лишний. — Тут не палец рубить, тут малой печатью убелиться след. Усечь смердячую яцутку. Вот тогда ровно по греху одёжка будет...

В. Пелевин («Т», 2009)

— А ты и Президента видел? — девчонка размазывала по щеке красные полосы — то ли сок земляники, то ли кровь из маленького облупившегося на солнце носа.

Дионисий не отвечал. Он сидел на траве, отвернувшись от девушки. Руки судорожно завязывали и развязывали обрывок разорвавшегося шнура от спортивных штанов. Губы

ЧАСТЬ 1. ЛЕТО

беззвучно шевелились. То ли тихо молился, то ли ругался. А может, и всё вместе.

Глаза у девочки были сухие и злые. Она подползла на коленях к спине Дионисия и хлопнула его по плечу:

— Ну чего ты? Нам ещё вместе столько ехать! Давай отмирай... Подумаешь, втащил по роже. Великое дело. Мне и не больно. Я это... того... извиняюсь, в общем...

Мужчина не реагировал.

— «Зов п...ды...» — слышал такую тему? Может, это Божий глас, почём тебе знать-то?

Девушка ещё раз занесла руку над спиной священника, но не решилась дотронуться и, окончательно разозлившись, начала громко выговаривать:

— Ты же ведь и не в платypiшке этом вашем сейчас... Ну откуда я могла понять, что вам вообще всегда нельзя? Я думала, что когда не на службе, то норм... А в части ведь сам какие романсы закладывал вчера на ужине... «Звёздо-о-о-о-чка мо-о-о-я ясна-а-а-я...» Не молитвы же пел — про любовь... Ну, иди, палец себе отруби или хрен — и поедем уже дальше! Нежные такие прям приезжают «за ленточку»... Фу-ты ну-ты, Божий посланник!

Она встала с травы, отряхнула сор с распахнутого на груди комбинезона и, на ходу вытирая лицо, не оборачиваясь, направилась к машине.

Дионисий пробормотал под нос:

— Да восстанет Бог, и рассеются враги Его, и да бегут от Него все ненавидящие Его. Аминь*.

Он закрыл глаза и представил себя в монастыре в клобуке и мантии. Величественным. Спокойным. Но тут же поверх этого видения замелькали, как в фильме, кадры недавнего безобразия. Вот Карина просит остановить машину, чтобы

---

* Псалом 67. — Здесь и далее примечания редактора.

ГЛАВА 1. НЕ ПАЛЕЦ РУБИТЬ НАДО!

справить нужду, попить чай из термоса, размять ноги... Вот они сидят на разогретой июльским солнцем лесной полянке. Цикады, колокольчики, пряный густой запах травы. Почти счастье. Такой покой и нега здесь после трёх дней грохочущего «передка» и глаз раненых солдат...

Вот он откинулся на спину, шурится на солнце сквозь листву, в голове пусто и весело... Карина плюхается рядом и, хохоча, щекочет травинкой ему шею под бородой. Тут бы нужно было вскочить и перевести тему разговора. Но он помедлил. А ведь осознанно медлил, подлец. Хотел мгновение задержать. Травинка эта — как мост к женскому, жаркому, сокровавенному.

Понимал. Всё понимал. Соблазн!

Дионисий опять перевернулся на траву лицом вниз и замычал. Сейчас было всё равно на своё служебное величие. Хотелось выблевать гордость в траву и быть открытым и перед Кариной, батальонной резвущкой медсестрой, и перед Богом.

«Господи! Я правду спрошу! Зачем тебе моя мука и воздержание? Ведь слияние здесь на поляне с Кариной — это же чудо и красота, тобой же сотворённая. А если я заблуждаюсь? А если в мечтах о будущей жизни мы всё главное растеряем в этой? А именно будущая жизнь — фантом и козни сатаны? И полянку эту ни мне, ни Карине никто уже не вернёт?»

Девушка уже дошла до машины, но обернулась на стон. Нерешительно покачалась с носка на пятку и двинулась обратно к распростёртому на земле священнику. Ей очень нравился этот мужчина. Высокий, статный, с недоступными, властными глазами, с глубоким, проникающим в душу голосом. Понравилось то, как он вчера перед боем молился с ребятами.

И это поле перед сражением, всё заполненное сильными и свирепыми её братиками-воинами, на коленях повторяющими его летящие в небо слова:

ЧАСТЬ 1. ЛЕТО

О великое имя Пресвятыя и Живоначальныя Троицы!
Пречистая Госпоже Богородице, помогай нам на противных
враги, молитвами Твоего угодника, преподобнаго игумена
Сергия, спаси души наша!

Аминь!

От всего сердца Карина хотела снять с него всю тяжесть
прошедших трёх кровавых дней. Облегчить его мужскую
долю, как часто и совершенно бескорыстно помогала Кара
ребятам в отряде, вернувшимся с боевого задания... Не хоте-
ла ему плохого, когда, смеясь, откинула травинку и потянула
шнурок на его спортивных штанах, чтобы разрешить все
мужские полуденные сомнения и терзания.

И тут, вместо блаженной возни на душистой травке,
резкий удар по лицу. Как выстрел. И окрик какой-то смеш-
ной. То ли «отвянь!», то ли «изыди!». Люди так сейчас и не
говорят. Ненормальный какой-то! И вот валяется и стонет
на траве уже с полчаса.

Карина опять опустилась рядом. Дионисий поднялся
и уже совершенно спокойно сел, выпрямив спину и твердо
посмотрел в глаза девушке.

— Ты, Карина, прости меня. Неудачно я отмахнулся. Не
хотел тебя поранить. Моя вина. Вот, платок возьми. Чистый.
И вода там в фляжке. Нос чуть не разбил. Не сердись... Что
ты там про Президента-то хотела узнать?

Кара откинула чёрные кудрявые волосы, глянула ис-
подлобья:

— О'кей. Проехали. Как тебя в миру-то звали? Я это ваше
«владыка Дионисий» не выговариваю чего-то...

— Владыка Дионисий. Извини. Ты же к генералу вашему
«Костян» не обращаешься? Говоришь: «Товарищ генерал,
разрешите обратиться!» Вот и я на службе всё время. Без

ГЛАВА 1. НЕ ПАЛЕЦ РУБИТЬ НАДО!

антрактов. У Бога перерывов не бывает. Так что — «владыка Дионисий», и точка.

Он улыбнулся и вытер платком с девичьей щеки остатки крови. Она забрала платок и мотнула головой:

— Поняла. На службе так на службе. Но про Президента это я так спросила... Для отвлечения момента... Мне про него неинтересно... После того как Директора взорвали, я про Президента больше не интересуюсь, да и все ребята наши также. Батальон же на сорок процентов из «музыкантов». Там Хан всем рулит. Ну, тот, который встречал тебя и всё организовывал... Ну, низенький такой. Плотный... Поехали уже, может... Нам ещё так далеко... И давай я за руль, а ты поспи пока. А то я очень плохо по темноте шоферу. А ты ночью поведёшь, лады?

Дионисий потянулся за термосом. Отвинтил крышку. Налил в неё чай. Отпил и протянул Карине.

— Успеем везде. Незачем со злобой вместе в одну коробчонку железную лезть. Давай солнышко и лес этот соберём в душе и уже, как хорошие друзья, дальше двинемся. Попей чайку, охолони слегка. А то злое зло же и притягивает. Прилетит дрянь какая-нибудь на нашу голову-то, если не помиримся...

Карина отпила чай и прищурилась:

— Умереть боишься, владыка? А я вот нет. Не боюсь. Я столько на спине за этот год смерть эту самую таскала! Мы с ней уж подруженции что надо.

— А ты не фанфаронься тут. Передо мной-то ни к чему. А других зрителей здесь нет. Да и неправду говоришь, во вторник не ты, случайно, за пнём лежала и выла, когда базу внезапно «Хаймерсами» накрыли?

Карина расхохоталась:

— Ну я! Я, конечно. А зато я выла: «Господи, спаси!» Так что, считай, воцерковилась.

Дионисий тоже рассмеялся:

ЧАСТЬ 1. ЛЕТО

— Во-во, здесь на фронте неверующих-то нет. Все орут: «Боже, помоги», если что! Есть только забывчивые. Как в мирный лес попадают, так и амнезия всех своих обещаний небу-то и наступает!

— Ну ладно! Я про «ножки не раздвигать» Богу не обещалась никогда. Они у меня вона как раздвигаются. Восемь лет спортивной гимнастикой в Донецке на Щорса отзанималась. И английская школа в придачу. Готовилась в олимпийские чемпионки...

Карина подпрыгнула, взмахнула руками и села на шпагат, нечаянно перевернув носком берца термос и облив ноги Дионисия горячим чаем.

Священник вскочил, весело хохоча:

— Нет! Ну сняла всё-таки с меня штаны, чёртова девка! Ну что ты делать-то будешь, а?! Тащи синюю сумку, там сменные треники найдёшь...

Карина залилась краской и побежала к машине... Переодевшись, Дионисий хитро посмотрел на девушку:

— Да ты, небось, и не знаешь, как правильно ноги-то раздвигать, олимпийская резервистка?

Присмирившая Карина смотрела на владыку Дионисия во все глаза.

Вот это мужик! Что ещё выкинет-то?

— На самом деле, моя боевая подруга! На фронте во время стрельб ложатся — ноги врозь. Потому что, если нужно срочно сместиться влево-вправо на животе, то конечности твои красивые будут мешать. Вообще, базовая изготовка для стрельбы лёжа — это ноги на ширине плеч или когда одна нога подтянута к себе. А я во время атаки наблюдал, как некоторые гимнастки шпарили из своего раскрашенного сердечками АКСУ, сложив ножки иксиком и отключив зад.

Карина хмыкнула:

— Э-э-э-э, ну это вы уж извините, Ваше Преосвященство! Это уж не надо своим ребятам в уши насвистывать. Чтоб вы знали: когда я ногу подтянула и зад отставила, я убрала

ГЛАВА 1. НЕ ПАЛЕЦ РУБИТЬ НАДО!

давление бронежилета на диафрагму. Вот если бы вы покинули свою секту «Не убий!» и взяли бы ствол в руки, то не рассуждали бы сейчас, как штатский военрук. Не позорились бы перед женщиной...

Всё это время на поляне веселился и жужжал разудалый насекомый народец. Июль — месяц всех крылатых тварей. Стрекозы ловили зазевавшуюся мошку. Пчёлы обрабатывали сладко пахнущую «кашку». Шмель важно гудел, очищая свою переливающуюся шубку, расположившись в чашечке лилового колокольчика. А над головами спорящих кружились двое: хорошенький золотистый трутень, пленённый запахом ванильного шампуня от волос Карины, и поблёскивающий стальным брюшком «Шершень» — микродрон-разведчик, наречённый создателями «Джимми».

Когда, весело перекидываясь обычными на фронте шуточками, странная пара людей погрузилась в старенькую «Ниву», распался необычный дуэт насекомых. Трутень ломанулся внутрь машины за Кариниными кудрями, а «Джимми», степенно развернувшись, удалился куда-то на северо-восток. И в облачном хранилище данных где-то в районе Большой Никитской улицы города Москвы возникла новая папка с видеофайлами *BishopDionysius&Слово&Вера.ru* и пространным комментарием к ней, явно сделанным программой с искусственным интеллектом:

Хоровод страстей, обусловленных физиологическими потребностями людей, регулируется хороводом страстей, обусловленных их духовными исканиями. (См. папку: *Artificial Intuition 2018.13.666.*)

Девушка села за руль и, выводя машину на дорогу, неожиданно притормозила, выпуская маленького золотистого июльского трутня на свободу. Полосатый халявщик уже стучался в боковое стекло, просясь на волю и решив, что ему с этими двумя сегодня не по пути.